

ПЛЕНАРНЫЕ ЗАСЕДАНИЯ – II

М. Голема

Банска-Бистрица, Словакия

МЕТАФОРА КОММУНИКАЦИОННОГО КАНАЛА КАК НЕОТЪЕМЛЕМАЯ ЧАСТЬ КАРТИН МИРА В РЕИНТЕГРИРУЮЩЕМ ИНТЕРДИСКУРСЕ И В НЕКОТОРЫХ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЛИТЕРАТУРНЫХ СОЦИОЛЕКТАХ¹

В статье рассматриваются способы, которыми «метафора конвейера» коммуникации подчеркивает, скрывает или эффективно маскирует различные аспекты процессов человеческого общения. Работа завершается отказом от идеи художественного текста как «сосуда» для значений и вечных истин, которые могут быть извлечены из контекста. Рекомендуется пересмотреть наивную идеологию чисто «информационного» языка. Эта идеология, включающая в себя значительный компонент современного неолиберального интердискурса и специальных дискурсов, построена в первую очередь на основе концептуальных метафор, заимствованных из мира компьютеров и электронных устройств. Она проявляется в переинтерпретации риторических, поэтических и биологических корней речевой деятельности.

Ключевые слова: концептуальные метафоры, метафора коммуникативного канала, интердискурс, специальные дискурсы.

M. Golema

Banská Bystrica, Slovakia

METAPHOR OF THE “COMMUNICATION CHANNEL” AS A PART OF “IMAGES OF THE WORLD” IN RE-INTEGRATION INTER-DISCOURSE AND IN SOME SPECIAL LITERARY SOCIOLECTS

The paper deals with the ways the “pipeline metaphor” of communication accentuates, conceals or effectively disguises various aspects of human communication processes. The paper culminates in a rejection of the idea of the literary text as a “vessel” for meanings and timeless truths that can be extracted from its context. It also recommends to redefine the naïve ideologeme of purely “informational” language. Comprising a significant, pervasive component of contemporary neoliberal-tinged inter-discourse and special discourses, this ideologeme is constructed primarily on the basis of conceptual metaphors borrowed from the world of computers and electronic devices. It is expressed in the ignoring of the rhetorical, poetical and irreducibly biological roots of “linguaging”.

Key words: conceptual metaphors, metaphor of the “communication channel”, inter-discourse, special discourses.

¹ Статья подготовлена в рамках реализации проекта VEGA 1/747/18, *Obrazy sveta ako výskumná doména humanitných vied. Produkcia, distribúcia, recepcia a spracovávanie obrazov sveta* (The article was prepared within the framework of the project „VEGA 1/747/18 Image of the World as a Research Domain of the Humanities. Production, Distribution, Reception and Processing of the Images of the World”).

Так называемая текстуальная модель человеческой коммуникации описывается влиятельным историком культуры и литературы, а также теоретиком У. Онгом следующим образом: коммуникация использует своего рода канал (или трубопровод) для передачи определенного материала, который мы называем информацией. Мой разум подобен коробке, из которой я извлекаю информацию, кодирую ее (что означает, что я подгоняю ее к размеру и форме трубы, через которую она будет проходить) и помещаю ее в один конец трубы (или другими словами – средства передачи информации, то есть, чего-то, что находится между двумя вещами). С одного конца трубы «информация» попадает на другой конец, где она кем-то декодируется (подгоняется к своей первоначальной форме и размеру) и вставляется в собственный контейнер или коробку, называемую разумом [1, р. 195–196]. По словам У. Онга, эта модель как-то связана с человеческой коммуникацией, но при ближайшем рассмотрении мы обнаруживаем, что коммуникативный акт искажается и изменяется до неузнаваемости.

В такой метафорической, изящно простой, интуитивно легкой для восприятия и, возможно, поэтому «мейнстримной», давно признанной «трубопроводной модели» коммуникации, сообщение/информация (как «объект в контейнере») «перемещается» от отправителя к получателю, человеческая коммуникация метафорически концептуализируется здесь как «транспортировка материала». Однако именно эта идея, по существу, отвергается У. Онгом. Тем не менее, столь же простая, интуитивно приемлемая для нас модель человеческой коммуникации показывает только (и вполне убедительно) то, что вещи могут быть намного более сложными, чем они нам кажутся на основании наших устоявшихся исторически обусловленных (а потому не универсальных и не всегда верных) метафорических моделей. У. Онг не предлагает никакой альтернативной модели, так как он не находит подходящей исходной области, из которой мог бы (с целью пролить свет на запутанную материю человеческой коммуникации) извлечь соответствующую концептуальную метафору и перенести её (в стиле великих «поэтов науки», которых так мало и чье мнение порой нам так нужно) на актуальную проблемную область, потому что в физической вселенной нет подходящей модели для этой операции сознания, которая, как правило, представляет собой человеческую материю и подразумевает способность человека создавать реальные сообщества, которыми он делится интерсубъективно с другими людьми [1, р. 197].

Поразительная и все еще широко распространенная готовность реагировать на проблемы человеческой коммуникации, основываясь на элегантно, но чрезвычайно упрощенной метафорической «трубопроводной модели» коммуникации, особенно тесно связана с тем фактом, что мы долгое время были фундаментально сформированы хирографической, письменной средой и мы этой средой (как «текстуалисты», нерешительно и удивленно входящие в компьютерный век) все еще испорчены. В нашей высоко ценимой коммуникации посредством печатных книг (в качестве прототипа «текста») исчезают (или легко «отфильтровываются») многие вводящие в заблуждение (то есть проблемные) аспекты трубопроводной модели и, наоборот, как раз

такие (на графолекте, то есть на письменном языке) построенные типы коммуникации отличаются простой элегантностью, значительной объяснительной силой и другими очевидными преимуществами.

Даже сегодня «трубопроводная» модель по-прежнему является влиятельной, определяющей и доминирующей не только в специальных научных дискурсах, но и в реинтегрированном социальном интердискурсе, благодаря долгому и повсеместному использованию она стала популярной (ее более старый прототип, «сотканный» из физически закрепленных метафор, стал популярным уже давно, и сегодня, благодаря фундаментальным улучшениям, сделанным экспертами на основе компьютерных метафор, нам приходится иметь дело с различными ее модернизированными, более сложными версиями). Она также широко используется, например, в школьной практике на всех уровнях или в образовательной политике. Она допускает довольно комфортное (априорное) определение границ значения, концептуальное «укрощение» его беспокоящей динамической природы: значение заключено в тексте как вместилище вневременного смысла, поэтому текст является хранилищем данных, а человеческая коммуникация (не отличающаяся чем-либо значимым от коммуникации, например, компьютеров) является, в принципе, простой передачей данных.

Такой упрощенный взгляд на человеческую коммуникацию был фундаментально разработан в рамках очень влиятельного «инженерного» подхода, характерного для так называемой «кибернетики первой степени». Он был очень четко построен по аналогиям и метафорам из области машинных (компьютерных) устройств. Многочисленные недостатки «инженерного» подхода к коммуникации и информации, составленного из концептуальных метафор машин и компьютеров, стали очевидными для некоторых кибернетиков только тогда, когда этот подход начал тестироваться на живых организмах или социальных системах. Здесь этот «инженерный» подход уже казался некоторым кибернетикам недостаточным. Результатом внутренней напряженности между кибернетиками стал примечательный раскол, который, однако, имеет не только интересные «внутри-кибернетические» последствия (он сильно резонирует и часто упоминается, например, в эмпирической литературной науке С. Шмидта [2]). Упрощенная «инженерная» модель коммуникации также стала предметом критики и в контексте кибернетики (подробнее об этих спорах пишет один из главных участников тогдашних дискуссий и основатель радикального конструктивизма фон Ферстер [3, p. 119–128]).

В рамках кибернетики постепенно сформировался оппозиционный лагерь, развивающий так называемую «кибернетику второй степени» (более подробно [4]), основанную на других метафорических моделях. Необходимо добавить, что их коммуникационные модели по-прежнему остаются лишь второстепенным дополнением к некоторым специальным дискурсам, а также к доминирующему реинтеграционному «инженерному» интердискурсу, предпочтение беспроблемных «инженерных» подходов все еще остается решающим.

В хирографических (основанных на письме) культурах в большей степени рассматривают речь как нечто, имеющее специфическую информационную природу, в отличие от культур устных, ибо эта речь явно является выражением действия, в некотором роде, способом что-то делать с кем-то еще. Добавим, что это наблюдение, вероятно, также применимо к «вторично устным» литературным грамотным культурам, заново находящим – также благодаря изменяющейся медиапрактике – ранее скрытые перформативные, то есть «активные», а не только узко информационные измерения речи. Текстуалистическая тенденция подчеркивать более информационный характер речи, следовательно, не является вечным антиисторическим вопросом, по мнению Онга, к характерным чертам орализма относилось и то, что в устных культурах слово вполне естественно воспринималось как сила и действие. Оно воспринималось, скорее, как инструмент, а не как образ, и в то время новаторские и удивительные открытия Л. Витгенштейна о языке как об инструменте, следовательно, звучали бы довольно банально в предписанных обществах.

В контексте повседневного обычного «реинтегрированного интердискурса» (этот термин вводит и определяет Й. Линк [5, S. 284–311]) и экспертного мышления о литературе доминирует представление о том, что в коммуникации используется канал или труба для передачи единиц того или иного материала, который мы называем информацией. Историю коммуникации мы привыкли понимать с помощью проекции из истории физического акта, а именно манипуляции с объектом, в стиле: один человек (говорящий) помещает физический объект (значение) в контейнер (язык) и затем направляет его по каналу к другому человеку (адресату), который затем открывает контейнер (язык), вынимает из него предмет (значение), чтобы его иметь – т.е. познать его [6, s. 63]. Эта «история» возникает из трех обычно совершенно нерелевантных концептуальных метафор: Мысли (или значения) являются объектами; Языковые выражения являются контейнерами; Коммуникация является посылкой [7, p. 22].

Человеческий мир, согласно когнитивистским или конструктивистским наблюдениям, является более литературным и особенно поэтическим, чем мы думали до недавнего времени. На самом деле, мы можем, и мы даже должны винить в этом скрытую концептуальную метафору или зачаточную «историю» даже там, где мы этого едва ожидаем. Большая часть нашего (и экспертного) мышления все еще носит метафорический характер, и большинство первичных метафор принимаются автоматически и бессознательно в раннем детстве. Таким образом, может быть весьма вдохновляющим то, как глядя на устоявшуюся модель литературной коммуникации, мы принимаем благонамеренные когнитивистские предостережения типа: постоянно важно осознавать, что тот способ взгляда на мир, в котором мы выросли, – это не единственный путь, и что можно смотреть за пределы «истин» нашей культуры [7, p. 35], нынешние «пределы истин нашей культуры» довольно четко определяются неолиберальной эпохой и ее интердискурсами, которые

в значительной степени были отмечены «калифорнийской утопией» [8, р. 44–72] и ее историческими предшественниками. Мы можем также отнести это к развитым и проработанным эпистемическим культурам конкретных научных сообществ, которые так же часто (как культурные диаспоры) заключены в трудоустойчивый, герметичный научный социолект, как в своеобразную «зону комфорта». Существенная и долгосрочная «локализация» доминирующего социолекта в словацком литературоведении произошла на основании «модели информационного человека» [9, s. 163–168] во время огромного развития компьютерных технологий, именно в тот период, когда она открыла новый и очень популярный в регионе источник приобретения ключевых метафорических понятий.

Тот факт, что утонченный «инженерный» подход к литературной коммуникации может быть применен повсеместно и почти не имеет альтернатив, может быть отчасти обусловлен тем, что заслуги в словацком и, ранее, чехословацком контекстах весьма влиятельны, и в некоторых аспектах совместимой с инженерным мышлением концепции «текстуалистского» формализма, в котором только и единственно конкретному «поэтическому языку» была предоставлена функция «усиления» восприятия. История и метафора считались и считаются в нашей среде (я имею в виду в частности словацкую литературоведческую науку) литературными, т.е. декоративными и несущественными, между общим и поэтическим языком мы проводим (благодаря содержательным выводам формализма и структурализма) резкую и в целом признаваемую границу.

Из когнитивистского подхода, однако, следует достаточно радикальный вывод о том, что к иному мышлению, кроме как к «обогащенному» метафорами, мы как люди (радикально отличающиеся от искусственно созданных информационных процессоров) вовсе не способны (в этом, как мы полагаем, состоит особенно важный аспект человеческой «ограниченной рациональности»). Именно история и метафора стали восприниматься в когнитивном мышлении как фундаментальная и определяющая познавательная деятельность. Широко распространенное «литературное мышление» (характеризуемое как мышление в рассказах, параболах, метафорах), даже по мнению М. Тернера, предшествует человеческому мышлению как таковому [6, р. 232].

Например, немецкий литературовед С. Шмидт рассматривает коммуникацию не как «передачу» идей, а как «резонанс» двух систем; в ситуации, когда две системы взаимодействуют посредством коммуникации, никакой «передачи» информации не происходит. Согласно многочисленным, аргументированным выводам когнитивиста М. Тернера, значение не приходит как «законченное» извне, а складывается в сложной «семейной ссоре», как сугубо личный ответ читателя для себя. Метафорическая притча, то есть параболла, определяемая как фундаментальный принцип человеческого мышления, предлагает нам иной взгляд на значение. Значение – не то, что хранится в контейнере концепции. Оно живое и активное, динамичное и четко сформулированное, созданное для конкретных целей знаний и дей-

ствий. Значения – это не ментальные объекты, ограниченные концептуальными позициями, а скорее сложные процессы проецирования, слияния, взаимоотношений, смещения и объединения в нескольких пространствах. Значение является параболическим и литературным [6, р. 82]. Значение нигде не находится, то есть обычно представляет собой динамическую и переменную структуру отношений между многими элементами. Наш сознательный опыт, кажется, говорит нам, что значения являются общими, локализованными и единообразными. Но это не тот случай [6, р. 158]. Если мы примем этот важный тезис М. Тернера, то вся более ранняя концепция структурно оформленного устойчивого значения, представленного в тексте, развалится, модель литературного образования, которая на нее влияет, также начнет трещать по швам и потребует существенной реконструкции нескольких теоретических предпосылок.

Сегодня у нас уже есть выбор из нескольких сложных метафорических моделей коммуникации, в более широком смысле, моделей мира коммуникации людей. Мы можем выбирать между элегантно простым изображением мира «информационных» людей (довольно наивного) как мира четко ограниченных («инкапсулированных»), то есть явно индивидуализированных людей, связанных информационными каналами (как своего рода телефонными линиями). Альтернативой этой несколько простодушной утопической инженерной картине мира является существенно более сложная модель менее взаимосвязанного, в конечном счете информационно сильно асимметричного, нередуцируемого человеческого мира, такого как мир реальных людей. В нем мы можем попытаться общаться друг с другом, например, письменными или печатными текстами как лингвистическими основами коммуникации, но они станут коммуникаторами только в случае принятия и присвоения смысла, то есть «сцепления» с другим коммуникатором. В этом мире (склонном к естественному и даже неизбежному замыканию в культурные диаспоры как специфические интерпретирующие сообщества, в «зоны комфорта», в «социальные пузыри» или в «пещеры эха») нет никакой гарантии, что мы будем поняты и приняты партнерами по коммуникации как соответствующий «посланник», что наше «предложение» будет принято и что также будет определенная эмпирически наблюдаемая координация действий.

Сегодня, если мы хотим приемлемым (и, возможно, даже продуктивным) способом переопределить посредством незатертых концептуальных метафор, что такое текст, что такое информация, что такое коммуникация, что такое человек и для чего нужна литература, у нас уже есть несколько относительно разработанных сходных альтернативных концепций, указывающих в одном направлении. Среди них, по нашему мнению, почетное место принадлежит попытке Р. Каппуро дать новое, пересмотренное и более полное определение информации [9]. Несомненно, это определение должно расстроить любого «настоящего инженера» или технократа, потому что оно звучит так: информация в экзистенциально-герменевтическом смысле озна-

чает тематическое и ситуативное совместное использование общего мира. Следовательно, информация не является конечным продуктом репрезентативного процесса или чем-то, переданным от одного ума к другому, или чем-то отдельным от инкапсулированной субъективности, но является экзистенциальным измерением нашего сосуществования-в-одном-мире-с-другими. Когда мы говорим: «мы храним, ищем, обмениваем и т.д. информацию», мы ведем себя так, как будто информация является чем-то существующим. Но, наоборот, это мы существуем, воспринимая и образуя общий мир, и поэтому в процессе частичного раскрытия мы можем явно поделиться с другими людьми условиями и ограничениями нашего понимания. Р. Каппуро понимает термин *информация* в этом экзистенциальном смысле [9, р. 163–168]. Если мы примем этот радикально новый вывод (концептуально обозначающий информацию как неотъемлемую часть человека, а человеческое существование как совместное существование общающихся существ), то мы также должны пересмотреть наш официальный взгляд на человека, который уже давно, говоря метафорически, заперт в рамках одной идеологии, подчеркивающей, в частности, специфическую индивидуалистическую «инкапсуляцию» неолиберального характера.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ong, W. J.* Technologizace slova / W. J. Ong. – Mluvená a psaná řeč. – Praha : Karolinum, 2006. – 236 p.
2. *Schmidt, S. J.* Přesahování literatury. Od literární vědy k mediální kulturní vědě / S. J. Schmidt. – Praha : Ústav pro českou literaturu AV ČR, 2008. – 127 p.
3. *Foerster, H.* Pravda je vynález lhářů. Rozhovory skeptiků / H. Foerster, B. von Pörksen. – Praha : Pragma, 2016. – 186 p.
4. *Heylingen, F.* Kybernetika a kybernetika druhého řádu [Электронный ресурс] / F. Heylingen, J. Cliff, J. – Режим доступа : <https://systemika.gi.cz/record/1009/files/Kybernetika%20a%20kybernetika%20druheho%20radu.pdf?subformat=pdfa>. – Дата доступа : 01.12.2019.
5. *Link, J.* Literaturanalyse als Interdiskursanalyse. Am Beispiel des Ursprungs literarischer Symbolik in der Kollektivsymbolik / J. Link // Diskurstheorien und Literaturwissenschaft / Hrsg. von J. Fohrman, H. Müller. – Frankfurt a.M. : Suhrkamp, 1988. – S. 284–311.
6. *Turner, M.* Literární mysl. O původu myšlení a jazyka / M. Turner. – Brno : Host, 2005. – 278 p.
7. *Lakoff, G.* Metafory, kterými žijeme / G. Lakoff, M. Johnson / transl. M. Cejka. – Brno : Host, 2002. – 263 p.
8. *Barbrook, R.* The Californian Ideology/ R. Barbrook // Science as Culture. – 1996. – Vol. 6, № 1. – P. 44–72.
9. *Cappurro, R.* Základy informační vědy. Revize a perspektivy [Электронный ресурс] / R. Cappurro // Národní knihovna. Knihovnická revue. 2003, roč. 14, č. 3. – P. 163–168. – Режим доступа : <http://full.nkp.cz/nkkkr/Nkkkr0303/0303163.html>. – Дата доступа : 01.12.2019.

Мартин Голема

профессор, профессор литературоведения
в Университете Матея Бела в Банской Быстрице

Martin Golema

Prof., PaedDr., PhD., Professor, Professor of literary science
at Matej Bel University in Banská Bystrica